

воздушный поцелуй

Пальто с акимовского плеча, или Последняя елка Поликарыча

Смелка, - 9-75-1996, - 13 янв. - с. 4.

ПОД Старый Новый год грех не вспомнить о старых добрых временах. И потому при встрече с заслуженным артистом России Валерием НИКИТЕНКО речь зашла о них.

- Я ПРИШЕЛ в Театр Комедии в двадцать два года и с тех пор играю здесь тридцать три года - такие вот знаменательные вехи судьбы. Впору с ума сойти и от этих лет, и от событий, которые пронесли над театром, но у меня ни разу и мысли не возникало его покинуть. Хотя нет, вру. Однажды, получив приглашение работать в Мюзик-холле, пришел к Акимову: так и так, Николай Павлович, зовут. Что делать? Он спросил: "Вы пришли с заявлением или за советом?" - "Ну как я могу прийти с заявлением! Конечно, за советом!" - "Тогда скажу следующее: это все равно как если бы мне предложили место казначея в публичном доме".

Я счастливый человек - нашел свой дом. Даже представить себя не могу на другой сцене, с другими партнерами. Потому что тех условий игры, что были здесь предложенные, той атмосферы интеллигентности, которая одухотворяла этот дом, не найти нигде. Возможно, в каком-то театре окажется лучше, в каком-то хуже. Но я знаю точно: такого, как у нас, не будет. А мне нужно такое.

- Сколько акимовцев осталось в театре?
- Из артистов - десять человек. Но в цехах и отделах есть люди, которые работали с Акимовым, - на них ведь тоже огромное влияние оказала его личность. А главное - сохранилась особая человеческая преемственность. Нельзя вести себя непристойно, нельзя выругаться - это все осталось.

- Николай Павлович разве не употреблял крепких слов?
- Никогда. В этом смысле знаю единственный пример. Акимов очень любил Сергея Николаевича Филиппова, взял его в свое время из балета, но тот регулярно отравлял ему жизнь. И вот в очередной раз он вызвал Филиппова в кабинет, полчаса убеждал его: "Сергея, так нельзя, ты меня подводишь..." Филиппов угромо молчал с присущим ему выражением лица. Наконец Акимов не выдержал: "Сергея, ну... и этак даже конфузливо, а-парт: - ...твою мать". На что Филиппов моментально очнулся: "Стоп. Это, Николай Палыч, так не говорится. Это говорится так..." - и выдал тираду, после которой Акимов сдался: "Уходи, чтобы я тебя не видел". В его природе попо-

сту не было сквернословия - без всякого ханжества или манерности. И когда в этом плане он пытался уподобляться нам, смертным, - выглядел не то что смешным, а странным.

Мне невероятно повезло, что я попал в театр именно к этому человеку. Понимаю, как ужасны подобные воспоминания: я видел, как гений вошел, что-то сказал. Дело в другом. Акимов, если можно так выразиться, стал моим образом жизни. Я приобщился к иному уровню культуры, иному уровню человеческих отношений, иному ощущению творчества. От вроде бы мелочей - ну нельзя прийти на репетицию кое-как одетым (было же это!) - до восприятия театра глущей тайной, скрытой занавесом. Занавес открывается, и зритель обязан хоть на секунду обалдеть - вот что составляло основу того театра. И город ждал премьеры. Ночами выставляли на морозе, каравула, пока отроется касса.

А сейчас этого нату и пока не предвидится. Не только у нас - нигде. Чего бы мне страшно хотелось в 96-м году? Чтобы у нас состоялась премьера, на которой выломали бы все двери к чертовой матери. Нашли бы потом деньги, отремонтировали. Но главное - чтобы народ рвался на спектакль. Понимаю, сегодняшняя жизнь более располагает к выламыванию дверей супермаркета. Однако это тоже очень важно - чтобы у человека было желание попасть в театр. А для меня, работающего в театре, - уж тем более.

- Как вы оказались в Комедии?

- После Киевского театрального института год проработал в Симферополе. Мы приехали в Ленинград на гастроли, и один из наших артистов сказал: вчера говорил с Акимовым. До этого мне и в голову не приходило - разговаривать с самим Акимовым. А тут подумал: я-то почему не могу?

На показе Акимов предложил: Валерий, почитайте что-нибудь. Валерий, обезумев от волнения, горяча принялся читать Тьщину на украинском языке, чем вызвал веселое оживление в худсовете и явно обескуражил Акимова. Но в результате он сказал: "Как ни странно, вы нам понравились". Позже я узнал, что понравился худсовету, а ему - меньше, настолько его шокировало мое неожиданное обращение к мове.

Потом был смешной случай, когда меня ввели на первую роль - Третьей головы в "Драконе". Пробрался в темноту, по пути отдавив ноги Колесову (он заявил, что никогда мне этого не простит - актер должен видеть, куда идет), засунул голову в прорезь, произнес положенные слова, выскочил со сцены красный, потный. Думаю: что это было?! Подходит Акимов: "Видел, поздравляю с дебютом. Только скажите, Валерий, почему у Третьей головы Дракона такой петлюровский акцент?"

В нем удивительно соединилось остроумие с умением тонко чувствовать людей. И он был рожденным лидером, готовым и умеющим принять на себя ответственность. Может, годы всеобщей усредненности, привычка жить не высываясь привели к исчезновению людей подобного склада... Почему у нас такие неудачи после смерти Акимова в 68-м году? Кто ни придет - лучше ли, хуже режиссер, - а не может вытянуть театр на своих плечах. Акимов был маленький, но тянул. И дело вовсе не в диктаторстве.

Приведу характерный пример. Приняв меня в театр, Акимов дал мне какую-то роль, причем назначил вместе с Воропаевым. Он репетирует, а я сижу. Неделю за неделей. И стоит осень. Поздняя осень в Петербурге. Для человека, приехавшего с юга, никогда здесь не жившего, - достоинство, в пору прийти домой и повеситься. Никакой отдушницы на радио или телевидении. После репетиций некуда деться. А в груди все кипит: жизнь мимо! Проходит месяца полтора, я брежу, в очередной раз отсиживаю на репетиции. Вдруг так тихо-тихо чья-то рука сзади. Оборачиваюсь - и Акимов мне говорит - два слова всего: "Еще наиграешься". Все увидел, все просчитал и сказал самое необходимое. Я как на крыльях ушел.

Значит, возглавляя театр, не обязательно быть диктатором. В сущности, артистам куда важнее внимание, вовремя оказанная поддержка, чем пять ролей подряд или двойное повышение оклада, о чем столько говорится в последнее время. "Вон, артисту не подняли зарплату, и он ходит мрачнее тучи". Да ерунда, ему главное - знать, что о нем думают. Такая уж у него профессия - до жути зависимая. И Акимов это

понимал необыкновенно.

Помню репетицию "Дон Жуана" Байрона. Мы играли по восемь ролей, в одной из них приходилось надевать туники и отплясывать греческий танец. А я был исключительно худ, и греческая туника смотрелась на мне весьма нелепо. Вижу, Акимов на меня как-то сочувственно поглядывает. Потом подзывает к рампе: "Зайдите после репетиции". Я расстроился - наверно, плохо танцую. В кабинете он спрашивает: "Сколько вы получаете?" - "Николай Павлович, вы же знаете - 75". - "Мы не можем вам повысить зарплату, хотя для артиста это очень мало. Знаете что, возьмите, пожалуйста, мое пальто - вдруг пригодится". Конечно, разница в наших фактурах была значительная, но жест был настолько трогательный, что я не смог отказаться. Уж слишком ему хотелось мне помочь.

И при этом я лишь однажды оказался с мэтром в обстановке, располагающей к болтовне. Мы вдвоем ожидали какую-то машину, и выяснилось, что непринужденно общаться с таким человеком - вещь затруднительная. Одно дело на репетиции, где есть артист и есть режиссер - правила игры известны. А здесь мы превратились в двух собеседников, причем не равных по силе эрудиции. Акимов не знал, о чем со мной говорить. Он начал с того, что вот, мол, думаю поставить "Евгения Онегина". "Очень интересно", - согласился я. "Мне хочется это сделать в амплире, хотя амплир..." - дальше пошли сложные искусствоведческие термины, но я опять согласился: "По-моему... правильно". Он понимает: ага, значит, мимо. Стал говорить о шахматах. Выяснилось, что я не умею играть. Опять не туда! Время идет страшно медленно, томительно. Наконец, пытаюсь завязать диалог, Акимов предлагает: "Хотите анекдот?" - "Да-да, Николай Павлович!" - поспешно откликаюсь и я слушаю анекдот, где соль заключена в последней фразе, которая произносится по-французски. После чего сам он весело смеется, а я таращусь, пытаюсь построить понимающую мину. В результате, убедившись в моей полной безнадёжности, Акимов отказывается от дальнейших попыток завязать беседу, и остальное время мы сидим молча.

- Кроме работы в театре вы всю жизнь сочиняете капустники, профессионально поете, выступаете с импровизацией от имени Мыкиты Брунько - человека из недр, который некогда посоветовал Куззову спалить Москву, а позже ухаживал за Фанни Каплан. Откуда такая энергия?

- Это способ жизни. Для артиста гибель, если, пока он сидит дома, хотя бы раз за три часа не раздастся звонок. Востребованность - вот основа нашей ужасной профессии. Артист не может быть самодостаточным - он существует ради публики. Когда в течение пары дней нет подтверждения ее интереса к нему, начинает играть дома. В таких случаях мои близкие говорят: все,

Почему Третья голова Дракона разговаривала с петлюровским акцентом?

пора, быстро на сцену.

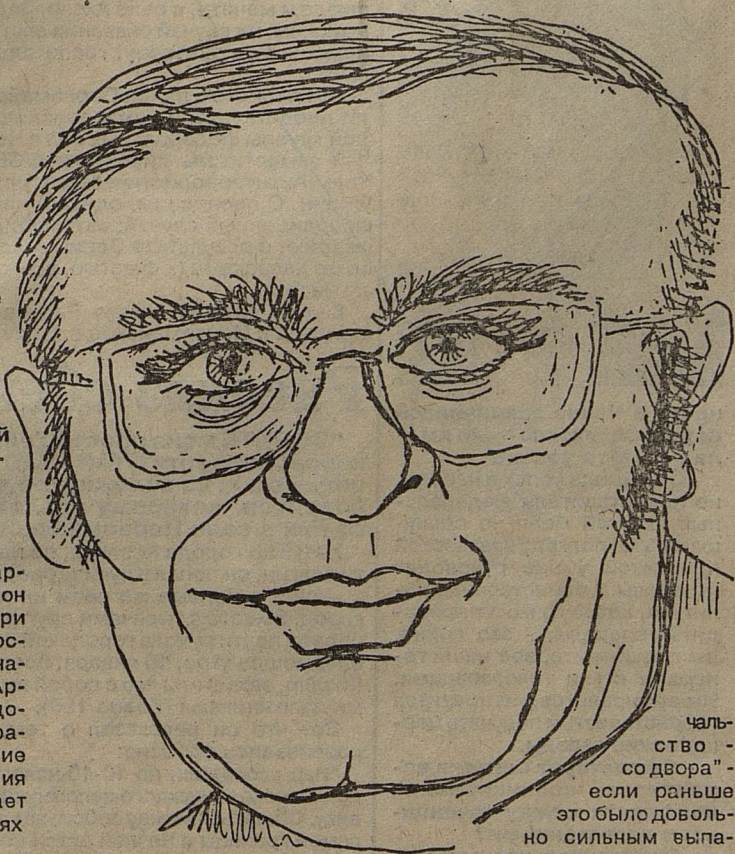
Действительно, из меня прет такая-то безудержная энергия. Если вспомнить, поразительная вещь - откуда это все? Детство в Калиновке - районном центре Винницкой области, где мы оказались после эвакуации. Мечта играть в духовом оркестре - и ведь играл с двенадцати лет, на самой большой трубе. Пару раз потел сознание, оттого что не хватало легких, но зато как поднимала в собственных глазах эта приобщенность: ты - в оркестре. В школе почему-то пел, участвовал в олимпиадах, фестивалях. Их тогда проходило множество. Были замечательные преподаватели, которые запомнились на всю жизнь, особенно - по литературе. Клара Максимовна не только пригласила к чтению, но и научила грамотно писать и разговаривать. Когда в Киев я поступал в институт, меня спросили: "Вы из Москвы?" - "Нет", - ответил я с гордостью. - Из Калиновки."

Мне с детства везло на людей. Конечно, главное везение всей жизни - встреча с Акимовым, но, приехав в Ленинград, я успел застать старых петербуржцев, переживших блокаду. Для меня они

были знаком города, и в быту, и в поступках являя собой что-то поразительно естественное. Думаю, в понятие "петербургский" входят именно естественность и внутренняя культура. И сейчас, глядя на то, что происходит вокруг, надеюсь на одно: если сохранится это петербургское начало - хотя бы в каких-то островках, тогда все перемелется. Разве человеку так уже много надо? Невозможно съесть десять бифштексов и пять банок икры в один присест. Кончится когда-нибудь это, безумие: ах! давай еще "мерседес"! давай мармовный особняк! Кстати, наиболее интеллигентные из предпринимателей имеют по одной машине и весьма неприхотливы. Я знаю таких людей, и это тоже вселяет надежды. Но самое главное - петербургский дух. Его бы сохранить, а все остальное приложится.

- Изменилась ли со временем атмосфера капустников?

- Да. Мягко говоря, мы повзрослели и стали лиричнее. Пропало вдохновение лечить гражданские язвы сатирой. "Первой настал там-там-там, в магазин идти пора. Весь народ идет с парадной, а на-

чальство - со двора" - если раньше это было довольно сильным выпадом, то теперь воспринимается по меньшей мере глупо. С колготками и колбасой тоже вроде все нормально. Каждый раз мучаемся: как написать о человеке, задев и то, что его окружает? Зачастую отказываемся от этой затеи и уходим в романс. Но молодежь, которая влилась в сочинение капустников, настроена более радикально. К прошлогоднему юбилею Игоря Борисовича Дмитриева "старички" написали лирическое предисловие, а молодые ребята сделали хореографический этюд, и как-то так...

- Что - как-то так?
- Ну, было очень смешно. Очень смешно, хотя, по-моему, Игорь Борисович слегка обиделся. А мы в силу своего возраста и прожитой жизни страшно боимся обидеть человека. Может, поэтому в одном из своих капустных поздравлений наши дамы назвали нас акимовскими кавалерами.

- Коль скоро мы разговариваем под Старый Новый год, расскажите, как вы играли Деда Мороза.
- Тут в моей творческой биографии пробел. Мне всегда казалось, что эта роль центральная и важная, и я ее не потяну. Приходилось скрываться за характерностью. Играл на елках Водяного, а однажды - даже Водяного-девушку. Создал добрый и трогательный образ Крокодила Гены. В "Юбилейном" два или три года подряд был Сказочником. Выходил весь в белом, вокруг что-то мерцало и вспыхивало, только лед слегка холодил. Ве-

роятно, мой облик внушал почтение собравшимся на новогодний бал шестиклассникам - в меня эти бандиты ничем не кидались, хотя во время представления на лёд летело все.

А первая моя елочная роль - старый питерский рабочий. Кроме того, что за нее платили деньги, роль была хороша и другим преимуществом: занимала пять минут в самом начале. Появившись в прологе с задушевным обращением к детворе: "Дорогие ребята! Что мы, питерские рабочие, видели в детстве, во что играли, кроме попа-загонялы?" - я мог с чистой совестью смываться в театр или на взрослые развлечения. На последней елке товарищи, конечно, надо мной всласть поиздевались. Только я, посетовав на свое убогое детство с попом-загонялой, рванул со сцены, как коллеги, зная, что у меня нет спектакля, преградили отход: "Нет, Поликарыч, вы так не уйдете! Дети, попросим Поликарыча станцевать". И я как дурак был вынужден пуститься в пляс. Они меня вечно не отпускали, приговаривая: "Ах, до чего здорово пляшет Поликарыч! Дети, а как он поет!..." Последняя елка - всегда опасна буйством актерской фантазии и разгулом импровизации. Надо быть готовым к любой неожиданности.

- В театре такие неожиданности редки?

- Всякое бывает. Помню, как-то раз играли мы спектакль о Луначарском - "Нарком рассказывает", где центром оформления являлся высоченный пологий станок. И вот на его вершине возникает монументальная фигура в длинной шинели колом - главный герой в исполнении ведущего артиста, в тот вечер слегка тяжело-го от пары-другой лишнего рюмка. Первая реплика - и вдруг нарком просвещения кубарем покотился по станку. Что началось с нами, стоящими внизу, при виде кульбитов Луначарского, в шинели до пят...

- Хохотали или испугались?

- Поначалу ахнули, а потом... Это невозможно выдержать при любой профессиональной закалке. Подобные потрясения остаются в памяти на всю жизнь. Иногда думаешь: Господи, что же это за профессия такая!..

- Мысли о непостижимой природе актерской профессии не мешают справиться Старый Новый год?

- Как бы не мешала новая квартира. Я недавно переехал и никак не могу к ней привыкнуть. Трудно отказываться от старых привычек, от маршрута, которым ходил в театр. Хотя рядом красота - канал Грибоедова.

- А раньше где жили?
- В Апраксином переулке.
- Там хуже.
- Ужасно. И Апрашка рядом. Но зато было ближе к Лениздату. А значит, и к вам.

До чего же правы дамы из Театра Комедии: вот истинный акимовский кавалер!

Беседовала
Елена ЕВГРАФОВА